

Коллективная память о прошлом в структуре постсоветской ментальности

Смолина Н.С.

Каждый человек несет в своем сознании память о прошлой эпохе, сохраняемой благодаря определенным семейным событиям, передаваемым от поколения к поколению, несет определенные настроения, вызванные воспоминаниями прошлого. Благодаря этим воспоминаниям в нашем сознании соединяются все модусы времени (воспоминания от прошлого, картина реальности настоящего и прогнозы и ожидания на будущее). Именно благодаря памяти мы обнаруживаем, что прошлое оставило множество следов в настоящем. Здесь для современного исследователя возникает вопрос, как прошлое встраивается в настоящее, как оно влияет на настоящее, как изменяется объем содержания памяти о прошлом. Все эти вопросы стали ставиться и решаться совсем недавно, во всяком случае, в пространстве российской социально-гуманитарной науки.

Переход от советского к российскому открыл новый пласт проблем в социально-гуманитарной науке, в том числе, касающийся памяти о прошлом. Память стала объектом многих междисциплинарных исследований. Современный дискурс памяти строится вокруг разделения на индивидуальную и коллективную виды памяти. Вся человеческая память социальная: будь то воспоминания об индивидуальных переживаниях или культурных событиях, артефактах, конструктах (воспоминания облекаются в форму, порожденную культурой и социальной реальностью). Функционирование индивидуальной памяти невозможно без коллективной: вспоминая, мы не можем обойтись без слов, смыслов, знаков, ориентиров, заимствованных нами их внешней социальной среды. Индивидуальная память, так или иначе, соотносится с коллективной памятью и использует единые образы. Коллективная память встраивается в индивидуальную память. Коллективная память не может существовать вне индивидуальной памяти, но не смешивается с ней. «Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности» [Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 16].

Функциональное значение любой памяти в том, что она, связывая прошлое и настоящее, помогает человеку сохранить свою идентичность во времени, помогает обрести новую идентичность в изменяющемся времени.

Многочисленные междисциплинарные исследования памяти сфокусированы на различиях и сходствах индивидуальной и коллективной памяти. Современный исследователь сосредоточен, прежде всего, на вопросах, как трансформируется объем, содержание и структура памяти, как фрагменты прошлого вытесняются вглубь индивидуального и общественного сознания, как вытесненные воспоминания всплывают, но в измененном виде. На наш взгляд,

самый главный вопрос сегодня относительно постсоветской ментальности – как «прошлое живет в настоящем, отбрасывая свою тень в будущее» [Вайксель Ф., Габович М., Запер М., Золотов А., Калинин И., Прохорова И. Введение // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 7].

Анализ ментальности постсоветского (выбор термина «постсоветский», а не «российский» будет обоснован ниже) человека ставит в проблеме коллективной памяти свои вопросы, актуальные для российского пространства. Основной исследовательский интерес сосредоточен в сфере вытеснения из коллективной памяти травматичных моментов прошлого, влияния памяти о прошлом на настоящее, на доминирующие ценности. Здесь акцент переносится на коллективную память, проблему конструирования отношения людей к своему и чужому прошлому, на стратегии использования образов прошлого. Как то или иное событие становится памятной датой, транслируемой через поколения, как то или иное событие конструирует отношение к настоящему и доминирующие ценности в структуре ментальности постсоветского человека.

На наш взгляд, коллективная память постсоветского человека вообще выступает некой смысловой ареной для формирования мировоззренческих установок российского человека. Коллективная память становится тем местом, где происходит формирование идентичности российского человека с некоторой долей условности. Она становится теми очками, сквозь которые постсоветский человек смотрит на прошлое, оценивает его, проецируя эти оценки на настоящее.

Прошлое в российском обществе пока необходимо для существования в настоящем. Российский режим эксплуатирует образы прошлого, памятные даты прошлого для собственной легитимации.

Итак, новый режим использует коллективную память для собственного стабильного существования. Среди его стратегий – и транслирование ностальгических настроений, репрезентируемых как визуальными средствами: СМИ, кино, советская символика на различных мероприятиях, так и аудиальными: советская музыка, подаваемая и в оригинальном виде, и в измененном («Старые песни о главном», различные ремиксы на хиты советской эпохи, ретро-концерты).

Ностальгия позволяет российскому человеку выразить всю тоску по утраченному дому. Ностальгия обращена к месту, которого нет, и ко времени, которого нет. Это чувство тоски можно объяснить как попытку «вернуть время вспять, преодолеть необратимость его течения, превратить историческое время в мифологическое» [Бойм С. Общие места: мифология повседневности. М., 2002. С. 9]. Ностальгия, поддерживаемая различными телевизионными и кинопроектами («Старая квартира», «Намедни»: наша эра (1961-2002 гг.), «Старые песни о главном») – это защитная реакция, ответ на ломки при переходе периода истории. Она позволяет преодолеть социальную травму советскому человеку, вдруг ставшему российским. На данный момент – это единственная легитимная стратегия преодоления социальной травмы

российского человека. Ностальгия ищет в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем. Вместе с тем в ностальгии осознается необратимость времени.

Проявления ностальгии дают исследователям богатый материал, репрезентируя целостный образ ушедшего времени в виде ностальгического мифа. Ностальгический миф в свою очередь «помогает человеку и обществу восстановить утраченный мир с помощью памяти» [Шабурова О.В. Ностальгия: через прошлое к будущему // Социемы, 1996, № 5. С. 44], в результате чего прошлое примиряется с настоящим при понимании необратимости самого прошлого. Ностальгия, таким образом, компенсирует социально-психологические перегрузки социума в условиях переходного периода. Ностальгия по советскому – это прощание социума с советской цивилизацией, примирение постсоветского человека с новой действительностью, которое будет длиться до тех пор пока социальная ситуация не станет более определенной, пока постсоветский человек не превратится в российского. Таким образом, получается, что постсоветский человек адаптируется к новым социальным условиям, используя для этого ценности и ориентиры прошлого, репрезентируемыми российским режимом.

Чувство ностальгии заполнило пустоту, образовавшуюся в результате распада советской системы. Ситуация общественного перелома, которую уже 15 лет переживает общество, ранее именовавшееся советским, не формирует новые, «не существовавшие ранее ориентиры и рамки общественного сознания, а обнаруживает и выводит на поверхность старые скрытые структуры и механизмы» [Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 56] и использует для этого ностальгия по советской эпохе.

Сегодня главный вопрос – какую роль играет коллективная память в формировании новой идентичности. Коллективная память выводит человека на перекресток, где происходит встреча прошлого с настоящим, диалог прошлого и настоящего, где вырабатывается идентичность современного человека.

Современное общество постоянно находится в поиске того, насколько память, которая относится вовсе не к прошлому, а выражает отношения “прошлое-настоящее”, в действительности объясняет настоящее.

Итак, коллективная память позволяет нам понять, как человек, конструируя прошлое, формирует новую идентичность. Анализ коллективной памяти выводит нас на проблему аккумуляции обществом знания о социальной реальности, представляя коллективную память как совокупность представлений о прошлом, вновь изменяющуюся при новом воспоминании.